

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том XI, часть 1

Ответственный редактор Н. Н. Казанский

Санкт-Петербург

«Наука»

2015

УДК 81
ББК 81.2
А 38

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский.

Т. XI. Ч. 1. Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики / Ред. М. Д. Воейкова, Е. Г. Сосновцева. СПб.: Наука, 2015. — 901 с.

ISSN 2306-5737

ISBN 978-5-02-039557-2

РЕДКОЛЛЕГИЯ

«ТРУДОВ ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»:

академик РАН Н. Н. Казанский (председатель), PhD Assoc.

Prof. A. Varentsen / А. Барентсен, (Нидерланды, Амстердамский ун-т), чл.-корр. РАН А. В. Бондарко, д. филол. наук, проф. Н. Б. Вахтин, д. филол. наук М. Д. Воейкова, чл.-корр. РАН Е. В. Головкин, PhD Prof. L. Grenoble / Л. Гренобль (США, ун-т Чикаго), PhD, к. филол. наук Н. М. Заика (секретарь), д. филол. наук В. М. Круглов, к. филол. наук А. Ю. Кожевников, д. филол. наук С. А. Мызников, д. филол. наук, проф. В. И. Подлеская (Москва, РГГУ), PhD Prof. J. Russell / Дж. Рассел (США, Гарвардский ун-т), д. филол. наук, проф. А. Ю. Русаков, д. филол. наук, проф. А. Н. Соболев (заместитель председателя), к. филол. наук С. С. Сай, к. филол. наук А. Ю. Урманчиева, д. филол. наук, проф. В. С. Храковский, Dr. Habil. Prof. J. A. Janhunen / Ю. А. Янхунен (Финляндия, ун-т Хельсинки)

Редколлегия выпуска: М. Д. Воейкова, М. Я. Дымарский, К. А. Иванова, П. А. Оскольская, Д. Н. Сатюкова, Е. Г. Сосновцева, А. Ю. Урманчиева

Ответственный за выпуск от редколлегии: С. А. Мызников

Выпуск подготовлен при поддержке гранта НШ-3135.2014.6 «Петербургская школа функциональной грамматики» (Фонд Президента РФ) и проекта «Развитие корпусной справочной системы по синтаксису русского языка», поддержанного Программой фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика» (Направление 1. Создание и развитие корпусных ресурсов по современному русскому языку).

Материалы доступны в электронном виде
с декабря 2014 г. на сайте ИЛИ РАН:
http://iling.spb.ru/pdf/alp/alp_XI_1.pdf

ISSN 2306-5737

ISBN 978-5-02-039557-2

© Коллектив авторов, 2015.

© ИЛИ РАН, 2015.

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2015.

А. С. Марушкина, Е. В. Рахилина

НИУ ВШЭ, Москва

КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕЧИ НЕСТАНДАРТНЫХ ГОВОРЯЩИХ («ХЕРИТАЖНЫЙ» РУССКИЙ)¹

1. Введение

Понятие **носитель языка** (например, русского) ассоциируется с человеком, который может свободно выразить любую мысль и при этом не делает ошибок. Этот упрощенный стереотип предполагает, что носители всегда придерживаются в своей речи какого-то единого стандарта и следуют общим правилам. В реальности, однако, далеко не все, кого мы называем носителями языка, говорят одинаково: как известно, есть «особенная» детская речь, разговорная речь, в современной реальности — речь пользователей интернета и др.

Каждая группа таких носителей заслуживает особого внимания со стороны лингвистов и уже имеет свою, достаточно длительную историю изучения свойственных ей отклонений от идеального канона. Для русского языка показательны прежде всего работы С. Н. Цейтлин, М. Д. Воейковой и их учеников об особенностях детской речи, Е. А. Земской и ее последователей о тенденциях в русской разговорной речи 80-х годов и более современные работы на эту тему, например, группы Н. В. Богдановой, а также М. В. Русаковой, исследования М. А. Кронгауза о языке интернета [Цейтлин 2000; Воейкова 2011; Кронгауз 2013] и т. п. Особый интерес представляют ошибки, которые представители данных групп допускают в речи.

Замечательная особенность этих ошибок состоит в том, что они являются, так сказать, «экологически чистыми». Действительно, при описании лингвистических правил приходится специально изобретать отрицательный материал: конструировать неграмматичные употребления или исказить существующие предложения

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году.

и сочетания: именно «испорченные» языковые фрагменты иллюстрируют границы действия искомым правил. Можно сказать: *я незаметно съел пирожное* или: *пирожное было незаметно съедено*, но не: ?? *пирожное было незаметно съедено моей собакой* — и это свидетельствует об ограничениях на выражение агенса в пассивных конструкциях. Изучение спонтанных («экологически чистых») ошибок говорящих позволяет исследователю идти обратным путем: не от правила к ошибке, а от ошибки к правилу, наглядно демонстрируя тонкости, о которых мы могли бы и не задуматься, имея перед глазами правильно написанный текст.

Хорошо известно, что речевые сбои происходят в основном в тех областях, где система языка структурно сложно устроена и построение правильного высказывания требует быстрой обработки сразу нескольких правил и/или глубокой языковой интуиции. Часто сбои в речи носителей свидетельствуют о перестройке соответствующих фрагментов системы данного языка.

Однако диагностика и квалификация ошибок усложняется, когда речь идет о не-носителях, которых принято считать нестандартными говорящими. При этом имеются в виду билингвы, носители «островных» вариантов русского языка, трудовые мигранты, студенты, изучающие русский как иностранный (студенты РКИ, или L2, как их принято называть в специальной англоязычной литературе) и др. В их речи взаимодействуют правила сразу двух языков, и, как правило, нетривиальные.

Простой иллюстрацией к сказанному служит наш анализ следующего примера:

(1) *Мы живем близко к Нью-Йорку.*

С точки зрения преподавателя русского языка, автор сделал ошибку: он не учел, что в русской конструкции:

V + БЛИЗКО + К + X^{DAT}

не допускается использование глаголов локализации с предлогомк. В ее состав могут входить только глаголы, обладающие динамической семантикой, ср. *подойти близко к*, *подъехать близко к*, *поставить близко к* и т. д., тогда как глаголы локализации используются в статичных конструкциях, таких как: НЕДАЛЕКО + ОТ + X^{GEN}, РЯДОМ + С + X^{INSTR}, ОКОЛО + X^{GEN}, а также ВБЛИЗИ + ОТ + X^{GEN} и БЛИЗКО + ОТ + X^{GEN} [Селиверстова 1997], каждая из которых подразумевает

разную степень и разный характер близости объекта к точке отсчета. Нам интереснее всего последняя конструкция, которая, строго говоря, содержит семантическое противоречие: несмотря на то что в ее состав входит предлог, обозначающий **отдаление** объекта, в целом она имеет значение максимальной **близости**. Это подтверждают и данные Национального корпуса русского языка: в большинстве случаев БЛИЗКО + ОТ + X^{GEN} употребляется с наречиями-модификаторами *совсем, очень, так* и проч.

Пример (1) был взят нами из эссе, написанного эмигрантом, чьи родители уехали из России в США и чьим доминантным языком является английский. Говорящий упустил существующие в русском языке ограничения потому, что применял правила другого известного ему языка: строил свое предложение, калькируя аналогичную английскую конструкцию V + CLOSE + TO + X, на которую это ограничение не распространяется.

Таким образом, рассмотрев данный пример, мы обнаружили сразу два обстоятельства: нетривиальное правило построения русской конструкции и его отсутствие в соответствующей английской. Получается, что с лингвистической точки зрения материал сбоев, который предоставляют нам нестандартные говорящие, еще богаче и содержательнее, чем ошибки носителей, — между тем, изучены они пока много слабее. Кстати, именно нестандартные говорящие предоставляют нам богатейший материал для изучения (в том числе и сопоставительного, а в конечном итоге — типологического) языковых конструкций — ведь носители языка при образовании конструкций почти не ошибаются.

В этой статье мы обсудим особенности текстов одной специальной группы нестандартных говорящих, представленной эмигрантами второй волны, выросшими и живущими за пределами России, которых называют **херитажными** (от англ. слова *heritage* — «наследие» или «наследство»)².

² Помимо термина *херитажные говорящие* существует еще ряд названий для этой категории билингвов: ЛУРЫ (люди с унаследованным русским), или *наследники*, а иногда и просто *билингвы*.

2. Херитажные говорящие и иностранные студенты

Внимание к так называемым **херитажным** говорящим как к отдельной категории, отличающейся особым языковым поведением, в последнее время неуклонно растет. На данный момент есть две трактовки этого термина. В широком понимании это потомки эмигрантов, которые пытаются сохранить какую-либо культурную связь с родиной и поэтому уже достаточно взрослыми приходят изучать язык страны, из которой приехали их предки [Polinsky, Kagan 2007]. Обычно такие люди с детства говорят только на языке страны эмиграции. В узком понимании херитажные говорящие — это несбалансированные билингвы (**unbalanced** — в терминологии М. Полински), то есть дети эмигрантов, которые, будучи вырванными из родной языковой среды, постепенно «забывают» свой первый язык. С раннего детства они начинают усваивать два языка — родной и язык страны, в которой они живут, — но в какой-то момент львиная доля коммуникации выходит за пределы семьи и диаспоры и основным становится доминирующий язык региона [Valdés 2000]. Обычно это происходит тогда, когда ребенок достигает школьного возраста, и овладение языком не успевает полностью завершиться. Так родной язык постепенно уступает место доминирующему и приобретает особый статус — становится унаследованным, или херитажным.

Особый интерес, с нашей точки зрения, представляют херитажные говорящие во втором — узком — понимании, потому что оно предполагает их отличие от обычных иноязычных студентов, изучающих русский язык. Это отличие, безусловно, существует, о чем свидетельствуют хотя бы отзывы преподавателей, которые занимаются с ними в классе.

Надо сказать, что наши соотечественники, эмигрировавшие в Америку, не относятся к постепенной утрате родного языка как к естественному факту, который остается принять как должное, поэтому в Соединенных Штатах довольно много центров, где русский язык преподается русским же. Такие центры существуют во многих штатах США, среди крупных — центры херитажного русского в Массачусетсе (университет Брендайс), Нью-Йорке (Колумбийский университет), Калифорнии (университет Южной Калифорнии) и др. Херитажные говорящие отличаются от иностранцев, и в процессе обучения к ним нужен особый подход (см., например, [Smyslova 2012]),

поэтому активно ведется работа по усовершенствованию методик преподавания и даже существуют специализированные учебники [Kagan, Akishina, Robin 2003].

Другие доказательства этому мы находим в многочисленных работах, посвященных сравнению особенностей херитажного языка и интерязыка студентов L2³.

Как часто утверждается, основной объективный фактор, обуславливающий различия между ними, — использование родного языка с раннего детства в кругу семьи и раннее овладение многими языковыми категориями в условиях реального общения ([Monttrul 2002; 2004; Lipski 1993] и др.). Кажется, что по этой причине херитажные говорящие должны быть ближе к обычным носителям языка, и первая напрашивающаяся в этой связи гипотеза заключается в том, что они должны реже ошибаться, однако она далеко не всегда подтверждается реальными исследованиями.

Наиболее часто встречающийся метод сравнения двух категорий говорящих — количественный, то есть численная оценка соотношения ошибочных и правильных употреблений. Представителям разных категорий, сравнимым по уровню владения языком, предъявляется ряд заданий, которые проверяют понимание и порождение разных языковых структур. Количественные показатели обеих категорий далее сравниваются с контрольной группой (стандартными носителями языка) и между собой. В большинстве случаев оказывается, что херитажные говорящие (даже обладающие высоким уровнем владения родным языком) совсем не всегда делают меньше ошибок, чем студенты, изучающие соответствующий язык как второй. Более того, обнаруживается довольно широкая вариативность результатов в зависимости от того, какое языковое явление проверяется, к какому уровню языка оно относится (фонетика, морфология и т. д.) и в какой форме дается задание и ожидается ответ — устной или письменной.

В некоторых случаях херитажные говорящие действительно показывают результат, близкий к контрольной группе. Так, например, они испытывают в общем значительно меньше проблем

³ Помимо работ, посвященных русскому языку, значительное количество исследований охватывает херитажных говорящих и студентов L2 с доминантным английским, осваивающих испанский, корейский, вьетнамский и другие языки (ср., например, труды С. Монтрул и членов ее группы).

при порождении диминутивных форм от испанских существительных, имеющих неканонический родовой показатель [Montrul et al. 2013]. При этом во многих других случаях они либо не отличаются от студентов-иностранцев, либо даже демонстрируют худшие показатели. Так, например, корейские херитажные говорящие обладают пониженной чувствительностью к синтаксическим свойствам рефлексивных местоимений, такой же, что и взрослые, изучающие корейский язык как второй [Kim, Montrul, Yoon 2010], а при выполнении письменных заданий на различение испанских претерита и имперфекта херитажные говорящие по количеству ошибок и вовсе оказались на первом месте [Montrul 2012]. Единственная тенденция, которая достаточно последовательно прослеживается для херитажных говорящих — это их преимущество перед иностранными студентами при устном порождении ответов и в произношении [Au et al. 2002; Saadah 2011; Montrul 2012].

Большая часть перечисленных работ касается в основном грамматических явлений. Исследования в области языка русских эмигрантов также в основном описывают сложности синтаксического и морфологического характера: синтаксиса подчиненных предложений, глагольного вида, падежного словоизменения, рода существительных [Polinsky, Kagan 2007; Laleko 2008; 2010; Mikhaylova 2012]. Семантика конструкций, однако, до сих пор не получила должного внимания. В сущности, нам известны две работы, в которых в той или иной мере рассматривается семантика и прагматика определенного вида конструкций, — [Dubinina 2010; Laleko 2010]. Это вполне объяснимо, ведь интерес представляет не просто фиксация ошибки, а объяснение причин, по которым говорящий ее совершает. Частотность регулярных лексических показателей в языке в целом достаточно низкая, тем более сложно найти достаточное количество примеров, чтобы достоверно показать закономерности, которым следуют разные говорящие при использовании лексики, и объяснить их семантическую мотивацию.

3. Некоторые особенности поведения херитажных говорящих: корпусное исследование

При всех отличиях, обнаруживающихся между херитажными говорящими и иностранными студентами, их объединяет то, что, недостаточно хорошо владея русским языком, они испытывают

сложности при передаче своего коммуникативного замысла. Им не хватает полноценного инвентаря конструкций, и поэтому приходится изобретать стратегии, восполняющие этот дефицит. Эти стратегии могут быть схожими. Например, в тех случаях, когда в сочетании с существительным вместо оценочного прилагательного (или наречия) употребляется прилагательное с базовым параметрическим или количественным значением, которое наверняка будет понятно слушающему. Так, в (2) и (3) сочетаемость нарушается именно по этой причине:

- (2) *Это немного, извините но я не знаю много Русском* (студент РКИ);
- (3) *У меня большой акцент* (херитажный говорящий).

Несмотря на то что студент русского как иностранного калькирует английскую фразу *I don't know much Russian*, а херитажный говорящий прибегает к сочетаемости, маргинальной и для русского, и для английского, оба пытаются выразить свою мысль максимально прозрачным образом. Стандартный русский предполагает качественную оценку в (2) (ср. **много русский vs. плохо / не очень хорошо знаю русский*) и, как и английский, связывает понятие *акцент* с идеей силы, а не размера в (3) (ср. *??? большой акцент vs. сильный акцент*). При этом наиболее понятный и доступный способ передать степень выраженности признака — именно через физические параметры. Он и оказывается предпочтительнее в тех случаях, когда возникает необходимость учитывать более сложные сочетаемостные правила.

Чаще же эти две категории говорящих ведут себя по-разному. В следующих разделах мы рассмотрим подробнее, чем отличаются стратегии, которые они выбирают, и о чем эти стратегии свидетельствуют. Наша работа опирается на данные Учебного корпуса русского языка, который создан по Программе Президиума РАН «Корпусная лингвистика» как часть Национального корпуса русского языка в рамках сотрудничества с National Heritage Language Resource Center (UCLA) и Language Science Lab Гарвардского университета (под руководством М. Полински) и исследовательской группы Направления фундаментальной и прикладной лингвистики филологического факультета НИУ ВШЭ под руководством Е. В. Рахилиной. Главный конструктор корпуса — Тимофей Архангельский. В состав корпуса

входят тексты Учебного корпуса академической речи (Russian Learner Corpus of Academic Corpus), разработанного О. В. Киселевой и А. А. Алсуфиевой, а также тексты, собранные И. Е. Дубининой и Е. С. Денгубом. Корпус постоянно пополняется, сейчас та его часть, которая охватывает тексты, написанные изучающими РКИ и херитажными говорящими, насчитывает более 300 000 слов. Метаданные корпуса позволяют узнать пол и возраст автора, к какому типу говорящих он принадлежит, а также установить его уровень владения русским языком. В нашу выборку попали авторы, знающие русский язык не ниже ИН (Intermediate High)⁴.

Неоднородность результатов исследований испанского, корейского, арабского и других языков говорит о том, что, помимо количественных оценок, необходим и качественный анализ. Поскольку поиск и анализ необходимой лексической информации — процесс довольно долгий и трудоемкий, основную задачу этой работы мы сформулировали как обозначение определенных тенденций.

Один из важных выводов, сделанных на основе корпусных данных, состоит в том, что херитажные говорящие гораздо реже буквально переносят (калькируют) отдельные слова или конструкции из доминирующего языка в родной. Так, для них значительно более характерны употребления типа (4), которые не имеют переводных аналогов в английском языке (английская фраза *understand about everything* также является неграмматичной) (ср. с примером (1), где перед нами калька: *live close to* → *жить близко к*):

- (4) *Чем раньше люди начинают читать и вапце думать, тем раньше они начинают **понимать о всем**.*

В целом, таких не-калек в речи херитажных говорящих примерно в три-четыре раза больше, чем в речи изучающих русский иностранных студентов⁵.

Другая важная особенность касается стратегии калькирования. Те лексические кальки, которые все-таки встречаются в речи херитажных говорящих, являются более семантически обусловленными: ср. предложения (5) и (6):

⁴ Все примеры, не имеющие специальных помет, взяты из Учебного корпуса русского языка: <http://www.web-corpora.net/RussianLearnerCorpus/search/>.

⁵ Подробнее о не-кальках см. [Рахилина, Марушкина 2013].

- (5) *Изучаю русский язык для около недели* (ср. англ. *For about a week*) (студент РКИ);
- (6) *Маленький мальчик потом взял лопатку и **делает** маленькие дырку...* (херитажный говорящий).

Предложение (5) является буквальной калькой с английской конструкции *for about a week*, где предлог *for* обладает временным значением. В русском языке ни один из аналогов этого предлога такой интерпретации не имеет, что свидетельствует о полной десемантизации говорящим лексической единицы. В примере (6), напротив, глагол *делает* интерпретируется автором предложения как полнозначный, обозначающий конкретное действие (в отличие от других русских конструкций, таких как *делать ошибку*, *делать честь*, *делать предположение* и др.).

Далее мы рассмотрим некоторые различия в языковых стратегиях студентов РКИ и херитажных говорящих на примере конкретных конструкций: предложных, условных и сравнительных.

4. Предложные конструкции

При сравнении предложных конструкций оказалось, что херитажные говорящие гораздо более семантически чувствительны к русским предложениям. Во-первых, как было показано в предыдущем примере, херитажные говорящие не склонны их десемантизировать, напрямую заимствуя английскую конструкцию. Во-вторых, для херитажных говорящих значительно менее характерны ошибки, когда предлог пропускается⁶, в то время как среди ошибок, допущенных студентами РКИ, соотношение употреблений с избыточным предлогом и опущенным предлогом примерно одинаково.

Посмотрим на причины появления подобного рода ошибок. Начнем с пропуска предлога в речи иностранных студентов. Это явление может быть следствием языкового переноса из английского языка. Так, в примерах (7)–(8) опущение предлога объясняется, скорее всего, тем, что соответствующие английские конструкции подразумевают здесь прямое дополнение:

⁶ Данные корпуса свидетельствуют о том, что таких неправильных употреблений в речи херитажных говорящих примерно в 2,8 раза меньше, чем случаев, где в правильную беспредложную конструкцию вводится какой-либо предлог.

- (7) *Я ответила разные анкеты* (ср. англ. *to answer a questionnaire*);
- (8) *Я хочу говорить русский язык хорошо* (ср. англ. *to speak a language*).

В других случаях изучающий русский язык неправильно обобщает знакомое ему правило и предпочитает неправильный переводной аналог. Так, например, в (9)–(10) он употребляет дательный падеж как один из возможных вариантов передачи английской предложной конструкции *V + to + N* (например *give to smb* ‘давать кому-либо’, *devote to smb* ‘посвящать кому-либо’):

- (9) *Что мне случилось сегодня...* (ср. англ. *What happened to me today*);
- (10) *Разные системы образования всегда были интересными мне* (ср. англ. *Have always been interesting to me*).

Кроме того, иногда подобного рода ошибки возникают у иностранных студентов и без видимой мотивации, ср. (11)–(12):

- (11) *Как бывает субботу* (ср. *As it happens on a Saturday*);
- (12) *Мне нужно ездить бабушке...* (ср. *I need to go to my Granny's place*).

И русский, и английский языки ведут себя одинаково, требуя отдельной языковой единицы для обозначения временных и пространственных отношений в этих предложениях. Однако иностранный говорящий теряет предлог и, используя только падежную форму, оставляет эти отношения не полностью выраженными.

В то же время в речи херитажных говорящих ошибок, связанных с употреблением лишнего предлога, почти в три раза больше, чем случаев замены предложной конструкции беспредложной.

Эти ошибки также могут возникать как следствие языкового переноса английских конструкций, ср. (13)–(14):

- (13) *... интересуются в поддержании славянского образа жизни* (ср. англ. *are interested in maintaining*);
- (14) *Начала читать с слабым голосом* (ср. англ. *speak with low voice*).

Интересно, что если ошибка в (13) представляет собой буквальную кальку с единственной существующей для передачи этого значения английской конструкции *to be interested in* + N, то в (14) херитажный говорящий выбирает как модель менее частотную из двух существующих конструкций для описания качества голоса («*in* + ADJ + *voice*» и «*with* + ADJ + *voice*»). Видимо, как и в случае с предпочтением прилагательных со значением размера прилагательным с более абстрактным значением, здесь проявляется тяготение к более прозрачной физической интерпретации значения конструкции в целом. Таким образом, херитажный говорящий воспринимает голос как инструмент, а базовым способом выражения валентности инструмента в английском языке является именно предлог *with*⁷.

Гораздо более частотными, чем кальки, однако, являются самостоятельно сконструированные употребления, которых нет в обоих языках, или не-кальки:

(15) *Дети лучше понимали обо мне* (ср. англ. **understand about me*);

(16) *Мы с Настей будем танцевать в танце* «Калинка» (ср. англ. **dance in the dance* «*Kalinka*»).

При этом выбор предлога не является случайным. В (15), например, ошибка говорящего объясняется тем, что он естественным образом отдает предпочтение предлогу *о* (*обо*), поскольку тот чаще остальных употребляется в русском языке для ввода валентности темы⁸. Текст, из которого взят пример (16), рассказывает о предстоящем концерте, где автор предложения собирается танцевать русский танец. Употребление предлога *в* вместо прямого дополнения снова продиктовано частотной и легко интерпретируемой моделью, ср. *принимать участие в*, *сниматься в* и т. д.

По нашему мнению, большая склонность херитажных говорящих к употреблению предлогов иллюстрирует их важную особенность — кажется, что, в отличие от студентов РКИ, они обладают так сказать «аддитивной» семантикой, стараясь как можно более прозрачно выразить все смысловые связи, содержащиеся в высказывании. Возможно, этим же объясняется и стремление избегать

⁷ Ср., например, *cut with a knife*, *draw with a pencil*.

⁸ Ср., например, частотные конструкции *читать о*, *говорить о*, *думать о*.

нулевой прономинализации в придаточном предложении, описанной в [Polinsky 2006] и [Dubinina, Polinsky 2013]. Так, носители стандартного русского обычно опускают кореферентное местоимение в позиции подлежащего при подчинении:

(17) *Я надеюсь, что (я) успею попасть на твой день рождения;*

(18) *Ты боишься, что (ты) не сможешь с этим справиться.*

Херитажные говорящие, напротив, предпочитают предложения с выраженным местоимением, причем это явление нельзя объяснить влиянием английского, который запрещает нулевую прономинализацию в подобных случаях:

(19) *I hope that *(I) can make it to your birthday party.*

Так, херитажные говорящие, живущие в Израиле, тоже склонны использовать в придаточном предложении выраженное местоимение, несмотря на то что в доминирующем иврите, в отличие от английского, в 1-м и 2-м лице его опущение в поверхностной структуре является предпочтительным.

В работе [Там же] авторы указывают еще на одну особенность херитажных говорящих: некоторые грамматические конструкции в их речи отличаются излишним с точки зрения стандартного носителя русского языка аналитизмом, ср. (20). Это также косвенно подтверждает гипотезу о стремлении эксплицитно выражать и лексические, и грамматические значения:

(20) *Зачем ты спрашиваешь, если ты завтра будешь к нам **приходить**?*⁹

5. Условные конструкции

Следующий тип конструкций, который, как нам казалось, мог бы продемонстрировать различия в речевом поведении двух типов нестандартных говорящих — ирреальные условные конструкции.

Поскольку в этой области русский и английский языки устроены по-разному, изначально наше предположение состояло в том, что влияние доминантного английского должно как-то отразиться на характере и количестве ошибок. Однако, в отличие от предложных

⁹ Примеры (17)–(20) взяты из [Dubinina, Polinsky 2013].

конструкций, материал корпуса не показал сколько-нибудь значимых различий между херитажными говорящими и иностранными студентами в этом отношении.

Так, например, в нашей выборке обнаружилось примерно одинаковое для каждой категории говорящих количество калек с английской конструкции, в которой *if* вводит не условие, а придаточное дополнительное, как в (21) и (22):

- (21) *У него еще одна причина, чтобы увидеть, **если ли** она достойна услышать его теорию* (студент РКИ);
- (22) *Он взял палку и трогает turtle, что посмотреть **если** она еще живая* (херитажный говорящий).

Кроме того, немногочисленные случаи ошибочного опущения частицы *бы* в придаточном предложении при выражении ирреального условия с одинаковой частотой встречаются и в речи херитажных говорящих, и в речи иностранных студентов:

- (23) *Но **если я поменял** структура моих основных вопросов, может быть, все будет яснее* (студент РКИ);
- (24) ***Если я была** ректором вуза я бы продвигала педагогический факультет* (херитажный говорящий).

Эта ошибка возникает вследствие влияния английской конструкции, в которой глагол в условном придаточном ставится в форму прошедшего времени, ср. (25):

- (25) ***If I were the head of the university** I would promote the faculty of pedagogy.*

Тем не менее, некоторое отличие между иностранными студентами и херитажными говорящими есть. Очевидна склонность херитажных говорящих использовать частицу *бы* как отдельную единицу и более свободно обходиться с порядком слов в условных придаточных¹⁰, ср.:

- (26) ***Если я была бы** родителем абитурента, ход моих рассуждений мог быть следующим: я бы оценивала не популярность, а спрос,*

¹⁰ О других особенностях порядка слов в речи херитажных говорящих см. [Dubinina, Polinsky 2013].

- (27) **Если** город Санкт-Петербург был **бы** человеком я его бы описала следующим образом.

Такой порядок слов не является каноническим и не вполне приемлем на письме, однако он допустим для стандартного разговорного русского языка.

В то же время студенты, изучающие русский как иностранный, редко демонстрируют присущую херитажным говорящим гибкость и не разделяют сочетание *если бы* на составные части, используя его как единую застывшую единицу:

- (28) Я думаю, что **если бы** я была видной, то милиция или грабители бы заметили меня;
- (29) **Если бы** мы бросили вызов царя, наша участь бы был той же, как у братьев.

Единственный случай, когда частица *бы* используется студентами РКИ отдельно, отражает влияние других частотных русских конструкций, например *хотел бы* или *мог бы*, ср.:

- (30) Я думала, что было бы здорово, **если я могла бы** передать эти легенды друзьям и семье в Америку, чтобы они получили впечатление о Нижнем.

Уже говорилось о работе [Montrul 2012], в которой показано, что студенты, изучающие испанский как иностранный, делают меньше ошибок в письменных заданиях, чем испаноязычные херитажные говорящие, однако при этом последние гораздо аккуратнее и быстрее отвечают на устные вопросы. Относительная свобода в использовании русских условных предложений подтверждает вывод о том, что херитажные говорящие в целом более ориентированы на устную речь.

6. Сравнительные конструкции

Сделанный в предыдущем разделе вывод находит подтверждение и при анализе сравнительных конструкций. Мы проанализировали способы образования форм сравнительной степени херитажными говорящими и студентами РКИ и оценили их предпочтения в конструкциях, допускающих вариативность *больше* и *более*.

Интересно, что неправильное построение формы сравнительной степени, связанное со смешением синтетизма и аналитизма, скорее присуще херитажным говорящим, ср. (31):

- (31) *Я рекомендую прочитать эту пьесу, потому что, во-первых каждый из нас переживает этот самый период, как говорится выше, где мы навсегда покидаем детство и становимся **более взрослее**.* (херитажный говорящий)

Другая особенность, связанная со сравнительными конструкциями, состоит в том, что в тех конструкциях, где слова *больше* и *более* одинаково употребимы, херитажные говорящие почти во всех случаях предпочитали первый вариант, в то время как изучающие русский как иностранный склонялись ко второму, например (32)–(33):

- (32) *Он доказывает, что в советское время языковая политика была **более** связана с такими людьми как Солженицын...* (РКИ)
- (33) *В начале учебы в университете меня **больше** волновали актуальные проблемы студента: где лучше потусить, как достать выпивку и познакомиться с барышнями.* (херитажный говорящий)

Обе тенденции говорят о том, что херитажные говорящие действительно скорее ориентированы на устную речь, предпочитая разговорное *больше* формальному *более*.

7. Заключение

В статье предложены некоторые результаты сравнения языковых особенностей херитажных говорящих и студентов РКИ, показывающие заметные тенденции в стратегиях их лингвистического поведения.

Во-первых, собранные данные подтверждают, что херитажные говорящие представляют собой особую категорию нестандартных говорящих, чье своеобразие обусловлено прежде все тем, что они, с одной стороны, начинают усваивать язык с раннего детства в качестве языка семьи, а с другой — теряют возможность полноценно им пользоваться и вынуждены восстанавливать утраченные языковые компетенции в классе. Таким образом, они сочетают в себе черты

и билингов, и студентов, изучающих иностранный язык, а кроме того, обладают собственным своеобразием.

Во-вторых, нам представляется, что сравнительная близость херитажных говорящих к стандартным носителям языка далеко не всегда определяется количеством совершенных ими ошибок при выполнении тех или иных заданий и сравнении этих количественных данных с успехами иностранных студентов. Очевидно, что необходим более тонкий качественный анализ, который помог бы найти глубокие основы их лингвистической мотивации.

В-третьих, полученные нами результаты свидетельствуют о том, что херитажные говорящие более склонны к эксплицитному способу выражения разного рода семантических отношений. Этот вывод и тот факт, что их речь демонстрирует черты, характерные для устного языка, приводят нас к любопытной мысли о том, что в языке несбалансированных, ограниченных билингов, как и в разговорной речи носителей, действуют правила более прозрачной семантики и стратегии другой когнитивной природы.

Литература

- Воейкова 2011 — М. Д. Воейкова. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Знак, 2011.
- Кронгауз 2013 — М. А. Кронгауз. Самоучитель олбанского. М.: АСТ — Corpus, 2013.
- Рахилина, Марушкина 2013 — Е. В. Рахилина, А. С. Марушкина. Ошибки в речи херитажных говорящих (на материале текстов русских эмигрантов в США) // Т. А. Круглякова (ред.). Проблемы онтолингвистики — 2013. Материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 26–28 июня 2013 г. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. С. 435–440.
- Селиверстова 1997 — О. Н. Селиверстова. К вопросу о семантической структуре языковой единицы (на примере слов *у* и *рядом*) // Л. П. Крысин (ред.). Облик слова: Сб. статей памяти Д. Н. Шмелева. М.: Русские словари, 1997. С. 92–104.
- Цейтлин 2000 — С. Н. Цейтлин. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М.: Владос, 2000.
- Au, Knightly, Jun et al. 2002 — T. Au, L. Knightly, S. Jun, J. Oh. Overhearing a language during childhood // *Psychological Science* 13, 2002. P. 238–243.
- Dubinina 2010 — I. Dubinina. How to ask for a favor: A pilot study in heritage Russian pragmatics // A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin (eds.). *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard*

- Russian [Slavica Helsingiensia 40]. Helsinki: University of Helsinki, 2010. P. 418–430.
- Dubinina, Polinsky 2013 — I. Dubinina, M. Polinsky. Russian in the USA // M. Moser (ed.). Slavic Languages in Migration. Vienna: University of Vienna, 2013. P. 1–28.
- Kagan, Akishina, Robin 2003 — O. Kagan, T. Akishina, R. Robin. Russian for Russians: Textbook for Heritage Speakers. Bloomington, IN: Slavica, 2003.
- Kim, Montrul, Yoon 2010 — J.-H. Kim, S. Montrul, J. Yoon. Dominant language influence in acquisition and attrition of binding: Interpretation of the Korean reflexive *caki* // Bilingualism: Language and Cognition 13, 2010. P. 73–84.
- Laleko 2008 — O. Laleko. Compositional telicity and Heritage Russian aspect // M. Grosvald, D. Soares (eds.). Proceedings of the Thirty-Eighth Western Conference on Linguistics (WECOL) 19. 2008. P. 150–160.
- Laleko 2010 — O. Laleko. The Syntax-Pragmatics Interface in Language Loss: Covert Restructuring of Aspect in Heritage Russian. PhD Thesis. University of Minnesota, Minneapolis, MN, 2010.
- Lipski 1993 — J. M. Lipski. Creoloid phenomena in the Spanish of transitional bilinguals // A. Roca, J. M. Lipski (eds.). Spanish in the United States: Linguistic Contact and Diversity. New York: Mouton de Gruyter, 1993. P. 155–182.
- Mikhaylova 2012 — A. Mikhaylova. Aspectual knowledge of high proficiency L2 and heritage speakers of Russian // Heritage Language Journal 9, 1, 2012. P. 50–69.
- Montrul 2002 — S. Montrul. Incomplete acquisition and attrition of Spanish tense / aspect distinctions in adult bilinguals // Bilingualism: Language and Cognition 5, 1, 2002. P. 39–68.
- Montrul 2004 — S. Montrul. Convergent outcomes in second language acquisition and first language loss // M. S. Schmid et al. (eds.). First Language Attrition: Interdisciplinary Perspectives on Methodological Issues. Amsterdam: John Benjamins, 2004. P. 259–280.
- Montrul 2012 — S. Montrul. Is the heritage language like a second language? // EUROSLA Yearbook 12, 2012. P. 1–29.
- Montrul, Fuente, Davidson et al. 2013 — S. Montrul, I. de la Fuente, J. Davidson, R. Foote. The role of experience in the acquisition and production of diminutives and gender in Spanish: Evidence from L2 learners and heritage speakers // Second Language Research 29, 1, 2013. P. 87–118.
- Polinsky 2006 — M. Polinsky. Incomplete acquisition: American Russian // Journal of Slavic Linguistics 14, 2006. P. 191–262.

- Polinsky, Kagan 2007 — M. Polinsky, O. Kagan. Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom // *Language and Linguistics Compass* 1, 5, 2007. P. 368–395.
- Saadah 2011 — E. Saadah. The Production of Arabic Vowels by English L2 Learners and Heritage Speakers of Arabic. PhD Thesis. University of Illinois at Urbana-Champaign, Urbana, Illinois, 2011.
- Smyslova 2012 — A. Smyslova. Low-proficiency heritage speakers of Russian: Their interlanguage system as a basis for fast language (re)building // V. Makarova (ed.). *Russian Language Studies in North America. New Perspectives from Theoretical and Applied Linguistics*. London — New York — Delhi: Anthem Press, 2012. P. 161–192.
- Valdés 2000 — G. Valdés. Teaching heritage languages: An introduction for Slavic-language-teaching professionals // O. Kagan, B. Rifkin (eds.). *Learning and Teaching of Slavic Languages and Cultures: Toward the 21st Century*. Bloomington, IN: Slavica, 2000. P. 375–403.

<i>В. В. Казаковская, М. В. Хохлова (Санкт-Петербург)</i>	
Вопросо-ответные единства, апеллирующие к точке зрения адресата	397
<i>М. А. Овсянникова (Санкт-Петербург)</i>	
Возвратные и переходные глаголы эмоций русского языка: свойства актантов и дискурсивные функции	435
<i>Д. Н. Сатюкова (Санкт-Петербург)</i>	
О повторе предлогов перед однородными определениями в современном русском языке: опыт корпусного анализа	465

IV. Детская речь и двуязычие

<i>С. Н. Цейтлин (Санкт-Петербург)</i>	
К построению грамматики промежуточного языка	511
<i>М. Д. Воейкова (Санкт-Петербург)</i>	
Варьирование форм СВ/НСВ в императиве: анализ факторов ...	535
<i>К. А. Иванова (Санкт-Петербург)</i>	
Место императива в общении взрослого и ребенка	561
<i>С. В. Краснощекова (Санкт-Петербург)</i>	
Род местоимений в речи русскоязычного ребенка	581
<i>А. Н. Корнев, И. Балчюниене, М. Д. Воейкова, К. А. Иванова, Е. В. Ягунова (Санкт-Петербург, Каунас)</i>	
Формирование языка у детей с нормой и отставанием в развитии речи: корпусное исследование спонтанных и вызванных текстов	601
<i>А. С. Марушкина, Е. В. Рахилина (Москва)</i>	
Корпусные исследования особенностей речи нестандартных говорящих («херитажный» русский)	621
<i>Я. Э. Ахапкина (Москва)</i>	
Особенности построения предложения в письменной речи инофона	639